

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ИМПЕРАТОР
НЕБЕС

Сергей Патрушев
Император небес

«Автор»

2026

Патрушев С.

Император небес / С. Патрушев — «Автор», 2026

Империя парящих островов Сириус веками презирала жителей Бездны. Но когда Император Алекс уходит усмирять Хаос, его дочь Амалия остаётся защищать небо в одиночку. Предательство изнутри открывает путь армаде Неверленда. Захватчики жгут города, но их победа оборачивается кошмаром. Вернувшийся Алекс, слившийся с первородными стихиями, обрушивает на врагов гнев самой природы. Цена спасения — превращение Императора в живого бога, для которого люди лишь инструменты выживания.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Небесный Трон	5
Глава 2. Искра Прогресса	10
Глава 3. Массовое Производство	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Патрушев

Император небес

Глава 1. Небесный Трон

Солнце никогда не касалось земли в империи Сириус. Оно изливало свой жидкий золотой свет на бескрайнее, вечно клубящееся море облаков, которое простиралось от горизонта до горизонта, скрывая под собой мертвый, изъеденный временем лик планеты. Жизнь здесь, наверху, была не просто привилегией — она была чудом, ежесекундно поддерживаемым титанической волей одного человека.

Алекс стоял на краю Небесного Трона. Это был не дворец из мрамора и золота, а колоссальный монолит из живого, пульсирующего кристалла, зависший в самой высокой точке атмосферы. Под босыми ногами императора кристалл отзывался теплом, впитывая его энергию и транслируя ее дальше, сквозь километры пустоты, к остальным островам. Ветер, рожденный разницей температур между верхним и нижним слоями облачного моря, трепал его тяжелые черные одежды, расшитые серебряной нитью, но не мог сдвинуть с места даже прядь его пепельных волос.

Алекс не смотрел вниз. Ему не нужно было опускать глаза, чтобы видеть. Его сознание, расширенное десятилетиями абсолютной власти, было растворено в самой ткани этого мира. Он чувствовал Сириус как собственное тело.

Он чувствовал Остров Ремесленников, дрейфующий в трех днях пути к западу. Там, в глубоких шахтах, добывали аэрит — редкую руду, удерживающую острова в воздухе. Жилы аэрита остывали. Если они погаснут, остров, на котором жило сорок тысяч человек, рухнет в слепую бездну облаков, и удар о земную твердь будет последним, что они услышат.

Алекс выдохнул. Он не произнес заклинаний, не сложил пассов руками. Он просто позволил части своего «я» отделиться и потянуться к умирающим жилам. Он ощутил их кристаллическую решетку, их усталость. И он поделился с ними своим теплом. Не огненным жаром, который расплавил бы породу, а глубинным, первородным теплом звездного ядра. Аэрит вспыхнул ровным, успокаивающим синим светом. Остров спасен. На это ушла капля его сил. Капля из бездонного океана.

К северу, над Архипелагом Штормов, бушевала вечная гроза. Молнии сшивали небо слепящими стежками, а ветра рвали крылья грузовых грифонов. Алекс прикоснулся к атмосферному фронту. Он не остановил бурю — это было бы насилием над природой, которое истощило бы его до дна. Он стал бури дирижером. Он мягко, но непреклонно перенаправил потоки ветра, уводя самые яростные заряды в пустоту, прочь от торговых путей. Он вплеl в ледяную крупу град теплый воздух из южных течений. Капля за каплей.

На востоке, над Столицей Семи Шпилей, воздух стал слишком разреженным. Люди задыхались, птицы падали замертво на лету. Император вдохнул так глубоко, что, казалось, его ребра сейчас затрещат. Он потянул вакуум на себя, уплотняя его своей волей, а затем резко толкнул от себя, вбивая в легкие столицы тяжелый, насыщенный кислородом воздух, поднятый с нижних, более плотных слоев облачного моря.

Он был сердцем этого мира. Его насосом. Его гравитацией.

Алекс Эйден, Первый Император Сириуса, Предел Небес, был не просто магом. Он был законом физики, который согласился носить человеческую оболочку. Он управлял всеми стихиями не по отдельности, а одновременно, сплетая их в единый, невероятно сложный узор выживания. Огонь согревал аэрит, вода питала висячие сады, земля давала опору фундаментам, а воздух был его кровью.

Но сегодня этот узор начал сбиться.

Где-то далеко за пределами освоенных архипелагов, там, где облака становились непроницаемо-черными и густыми, как смола, там, куда не залетали даже самые отчаянные разведчики на воздушных судах, пробуждалось Нечто.

Алекс почувствовал это не как угрозу, а как диссонанс. Как фальшивую ноту в идеально настроенном оркестре. В Хаосе, в первородной грязи, из которой когда-то был вырван Сириус, зашевелились Древние. Сущности, которые не знали ни формы, ни разума, ни милосердия. Они были чистой, неразбавленной энтропией. И они голодны. Их голод искажал потоки магии, заставляя аэрит на самых дальних форпостах тускнеть, а ветра — сходить с ума.

— Ты чувствуешь это, Верный? — не оборачиваясь, спросил Алекс.

Из тени за его спиной выступил человек. Или то, что когда-то было человеком. Верный, бессменный глава Тайной Канцелярии, был стар. Его кожа напоминала сухой пергамент, а глаза выцвели до молочной белизны, но спина оставалась идеально прямой. Он не обладал и тысячной долей силы Императора, но обладал тем, чего у Алекса не было — смертностью и свободой передвижения.

— Пограничные посты гаснут, мой Император, — голос Верного был лишен эмоций, сухой, как шелест старых бумаг. — Три острова в Зоне Сумерек уже исчезли. Просто выпали из наших карт. Эфирные разведчики, которых мы отправляли туда, возвращались... пустыми. Выжженные изнутри. Духи Хаоса не убивают их. Они выпивают саму возможность их существования.

— Они проснулись, потому что мы стали слишком яркими, — глухо ответил Алекс. — Наш свет режет им глаза. Они не хотят нас завоевать. Они хотят, чтобы мы просто перестали быть. Чтобы Сириус рухнул вниз, и облака снова сомкнулись над мертвым камнем.

— Совет Безопасности предлагает возвести Великий Барьер, — продолжил Верный. — Собрать всех аэромантов столицы, направить их энергию в кристаллы Трона и держать щит вечно.

Алекс медленно повернул голову. Его глаза, обычно бледно-серые, сейчас полыхали расплавленным серебром.

— Вечно? — переспросил он тихо. — Ты предлагаешь сжечь мою аристократию, Верный. Чтобы держать такой барьер, магам придется пить силу из аэрита быстрее, чем он будет восстанавливаться. Через год острова начнут падать. Через два мы присоединимся к тем, кто живет внизу. Барьер — это отсрочка самоубийства.

— Тогда что вы намерены делать, мой Император? — в бесцветном голосе старика впервые проскользнула нотка тревоги.

— То, что должен был сделать столетия назад, — ответил Алекс. — Я спущусь в грязь. Он шагнул с края Небесного Трона.

Сердце любого другого человека оборвалось бы в пятки. Но у Алекса не было сердца в привычном понимании. Он падал не вниз, а сквозь собственное творение. Вокруг него свивался вихрь. Воздух уплотнился, превратившись в невидимое кресло. Вода, выпавшая из облаков в виде тумана, облепила его одежду, создав легкую, но непробиваемую кольчугу. Частицы пыли и земли, всегда присутствующие в атмосфере, спаялись в наручи и наголенники. Огонь не вспыхнул — он тлел прямо под его кожей, согревая его в стремительно холодеющих верхних слоях.

Он летел сквозь облачное море. Сверху оно казалось мягким пуховым одеялом. Изнутри это была ревушая, слепая метель из переохлажденного пара. Алекс раздвинул облака движением мысли. Перед ним открылась бездна.

Земля.

Она была чудовищной.

После Великого Раскола, когда предки Алекса подняли первые острова в небо, поверхность планеты так и не оправилась. Это был не мир, а рана. Черные, маслянистые океаны, в которых не отражалось небо. Леса из гигантских грибов, светящихся болезненным фиолетовым светом и источающих споры, разъедающие легкие. Пепельные пустоши, по которым бродили тени существ, не выдержавших давления первородной магии. И над всем этим висел тяжелый, свинцовый купол атмосферы, в котором никогда не бывало ни звезд, ни солнца — лишь тусклое, багровое свечение геотермальных разломов.

Алекс остановил падение в километре от верхушек грибных деревьев. Его ноги коснулись твердой, но податливой почвы — спрессованного пепла и костей.

Давление здесь было невыносимым. Оно давило не на тело — оно давило на саму душу, пытаясь расплющить ее, вернуть в первородный хаос. Воздух был густым, пах озоном, серой и гниением. Любой другой человек, даже самый сильный маг, сошел бы с ума от эманаций этой земли за считанные минуты.

Алекс закрыл глаза и открыл их снова. Теперь он видел мир иначе. Он видел потоки.

Здесь, внизу, магия не была чистой и послушной, как наверху. Она была густой, темной, пульсирующей венами в теле умирающего зверя. Это была кровь Древних. И она узнала его.

Из черной жижи болота поднялась фигура. Она не имела формы — сгусток мрака, в котором лишь на мгновение проступали очертания чего-то, что могло быть лицом, если бы у бездны было лицо.

«Верхний. Свет. Болезнь», — мысль Древнего не звучала в ушах. Она вливалась прямо в мозг, неся с собой ледяное, бесконечное равнодушие. — *«Ты — узел. Ты держишь то, что должно упасть. Мы развяжем»*.

Сгусток мрака метнулся к Алексу. Это не было физическим ударом. Это была атака на саму реальность. Древний попытался выдернуть из-под ног Императора закон тяготения.

Алекс не шелохнулся.

Он ответил не силой. Он ответил Порядком.

Он выставил вперед ладонь. Из его центра воли хлынул поток чистой, структурированной энергии. Там, где этот поток касался Хаоса, тьма обретала плотность. Она трескалась, как стекло. Древний взвыл — беззвучно, но так, что с ближайших грибов осыпались споры. Сущность Хаоса не могла существовать там, где действовала абсолютная воля Императора. Она была слишком... правильной. Слишком геометричной.

Алекс схватил Древнего за то, что заменяло ему горло. Он не сжал пальцы. Он просто приказал этому сгустку не двигаться. И Хаос подчинился.

— Вы спали слишком долго, — голос Императора прозвучал в мертвом воздухе неестественно громко. — Вы забыли, что такое боль. Я могу научить вас. Я могу держать вас в этой грязи вечно, заставляя чувствовать, как разлагается ваша суть. Или вы уснете обратно.

«Ты не можешь править внизу, Небесный», — прохрипел Древний, его форма начала оплывать, теряя плотность. — *«Твоя сила... она тяжелая. Она тянет к земле. Здесь ты станешь одним из нас»*.

— Я не правлю, — Алекс чуть ослабил хватку, позволяя существу вдохнуть (если оно вообще дышало) порцию отравленного воздуха. — Я охраняю. А теперь передай остальным. Сириус — табу. Облака — граница. Если хоть один из вас коснется моих островов, я спущу весь Сириус вам на головы. Я отключу аэрит. И вы будете учиться дышать камнем.

Древний содрогнулся. Мысль о падении тысяч сияющих островов, которые принесут с собой убийственный для Хаоса свет и порядок, была для него невыносима. Это было хуже смерти. Это было отрицанием их природы.

Сгусток мрака втянулся обратно в болото, растворяясь в черной жиже.

Алекс стоял посреди мертвой земли еще час. Он не праздновал победу. Он делал то, ради чего спустился. Он вбивал в эту почву, в саму память планеты, метафизические сваи. Он

ставил печати. Огромные, невидимые клейма Порядка, которые будут жечь любую сущность Хаоса, рискнувшую приблизиться к границам облачного моря. Это истощало его сильнее, чем удержание всех островов разом. Здесь, внизу, его свет не отражался — он поглощался жадной тьмой.

Когда последняя печать была поставлена, Алекс почувствовал, как по виску — впервые за двести лет — скатилась капля пота. Физического пота. Его человеческое тело, забытое за десятилетия абсолютной власти, начало напоминать о себе. Давление, токсины, голод.

Он посмотрел вверх. Там, сквозь бесконечную толщу облаков, едва заметно, как воспоминание, сиял Небесный Трон.

Алекс оттолкнулся от земли.

Подъем был пыткой. Гравитация, которую он так легко контролировал для других, теперь вцепилась в него самого. Его стихии бунтовали. Огонь внутри едва тлел, рискуя погаснуть от нехватки кислорода. Вода в кольчуге замерзала, сковывая движения. Воздух отказывался держать его вес. Ему приходилось буквально выгрызать себе путь наверх, уплотняя пространство перед собой и продавливая его сквозь слои атмосферы.

Он не был больше богом. Он был очень сильным, очень упрямым человеком, который ползет домой из ада.

Когда он пробил слой перистых облаков и увидел под собой серебряную гладь верхних архипелагов, силы оставили его. Он упал на палубу своего флагмана — личного небесного дредноута «Клинок Рассвета», который все это время бесшумно следовал за ним на почти-тельном расстоянии.

Палуба была сделана из полированного дерева. Настоящего дерева, выращенного в висячих садах Столицы. Под щекой Алекса она казалась самой мягкой подушкой в мире.

— Мой Император? — склонился над ним адмирал Кейн, чье лицо было бледным от ужаса. Никто и никогда не видел Императора таким. Уставшим. Смертельно бледным, с запекшейся кровью в уголках губ — он прикусил язык во время подъема.

— Мы возвращаемся, — прохрипел Алекс. — Во дворец.

— Совет... они уже требуют отчета. Острова дрожали, когда вы... когда вы ушли. Аэрит на Восточном рубеже едва не погас.

— Пусть требуют, — глаза Алекса снова наливались расплавленным серебром, возвращая себе привычный властный блеск. Он оперся на руку адмирала, поднимаясь. Его пошатывало. — Передай Верному, что печати поставлены. В ближайшие сто лет снизу никто не придет. А если придет — у нас есть чем встретить.

Дредноут развернулся, ложась на обратный курс к Столице Семи Шпилей.

Алекс остался на палубе, вцепившись пальцами в резные перила. Он смотрел на проплывающие внизу острова. На крошечные фигурки людей, снующих по своим делам. На бесконечные поля пшеницы, колышущиеся на ветру, который он сам же и создал. На хрустальные шпили храмов, где молились о его здоровье, даже не подозревая, что их бог только что вернулся из преисподней, едва не надорвавшись.

Он чувствовал каждую трещинку в этих островах. Каждую усталую жилу аэрита.

Власть была не даром. Она была проклятием, прикованным к его позвоночнику. Он мог уничтожить континент движением брови, но не мог позволить себе чихнуть, чтобы не сдуть с карты пару рыбацких деревушек.

— Вы вернулись, — голос Верного прозвучал за его спиной, когда дредноут уже швартовался к причальной мачте Небесного Трона. Старик словно материализовался из воздуха. — Я вижу по вашей ауре. Вы касались дна.

— Я заткнул им рты, — Алекс не повернулся. Он смотрел на свой город. — Они будут спать. Но они не мертвы. Они будут ждать. И они будут помнить мой свет.

— Это даст нам время, — кивнул Верный. — Время, чтобы укрепить армию. Время, чтобы обучить новых магов.

— Время, — эхом отозвался Алекс. Он отпустил перила. Его руки все еще дрожали от колоссального напряжения, но он заставил дрожь прекратиться. Император не дрожит. — Но Совету об этом знать не обязательно. Для них я просто совершил инспекцию границ.

Он шагнул к лестнице, ведущей в сердце кристаллического дворца.

— Собери мне ванну, Верный. Из талой воды с вершин. И прикажи на кухне зажарить целого быка. Кажется, я впервые за двести лет хочу есть.

Старик поклонился и растворился в тени колонн.

Алекс остался один на широкой парадной лестнице. Он поднял руку и сжал кулак.

Внизу, в Столице, тысячи людей остановились на мгновение, посмотрев на небо. Им показалось, что солнце на секунду вспыхнуло ярче, а воздух стал чище и свежее. Они не знали, что их Император только что силой своей воли удержал небо над их головами, спустившись в самую Бездну.

Алекс разжал кулак. Сириус был в безопасности. Пока что. Он вошел во дворец, и тяжелые хрустальные двери бесшумно сомкнулись за его спиной, отрезая его от мира, который он носил на своих плечах. Внутри, в тишине тронного зала, он позволил себе на долю секунды закрыть глаза.

Он был дома. На вершине мира. В золотой клетке, ключи от которой он выбросил сам.

Глава 2. Искра Прогресса

Если Сириус был симфонией, написанной одним божественным композитором, то Неверленд был какофонией.

В то время как наверху Алекс Эйден в одиночестве удерживал небо, внизу, под вечным серым саваном облаков, жизнь кипела, бурлила и смердела. Империя Неверленд не знала благословенного света солнца. Их небом был бесконечный, плотный потолок из грязной ваты, сквозь который лишь изредка пробивались болезненные, тусклые сумерки. Здесь не было висячих садов и хрустальных шпилей. Здесь был камень, железо, угольная копоть и несгибаемая человеческая воля.

Столица Неверленда, Урбис-Магна, не парила в облаках. Она вгрызалась в землю. Это был колоссальный многоуровневый муравейник, высеченный в гигантской кальдере потухшего вулкана. Чем ниже спускались ярусы города, тем тяжелее становился воздух, тем жарче дышали трубы фабрик и тем громче стучали молоты. На самом дне, в Бездне, где солнечный свет не появлялся тысячелетиями, жили те, кому не повезло родиться без магического дара или денег. Они добывали руду при свете люминесцентных грибов и химического огня, умирая от черной пыли в легких к тридцати годам.

На средних ярусах, в районе Медианум, воздух был чище, а улицы освещались газовыми рожками. Здесь пахло не только углем, но и озоном, жженым волосом и дешевым табаком. Именно здесь, в квартале Механистов, в тесной мастерской, пропахшей смазкой и озоном, рождалась вещь, способная навсегда изменить баланс сил в мире.

— Еще раз, Магнус, — голос профессора Элиары Вэнс звенел от напряжения, но оставался твердым. — Ты подаешь фазовый резонанс на левый контур. А ты, Ксандер, синхронизируешь выброс из конденсаторов ровно на счет «три». Если промедлите на полсекунды, ядро уйдет в стазис, и мы потеряем еще один кристалл аэрита.

Элиара была женщиной сорока с небольшим лет. Седина уже тронула ее виски, а вокруг глаз залегли глубокие тени хронического недосыпа. В Империи Неверленд магия была делом аристократии, передавалась по крови и строго контролировалась Корпусом Цензоров. Но Элиара не была боевым магом. Она была теоретиком, инженером, еретиком от науки. Она верила, что магия — это не дар богов, а просто физика, которую человечество пока не научилось читать.

Перед ней на стапеле возвышалась «Искра».

Это не был изящный небесный фрегат Сириуса, сплетенный из магии и света. «Искра» выглядела как угловатый, хищный металлический скелет. Обшивка из листовой стали, заклепки размером с кулак, массивные поршни и переплетение медных трубок, по которым вместо пара текла густая, пульсирующая субстанция — концентрированная магия, которую Элиара назвала «живым эфиром».

В центре корабля, в специальной бронированной шахте, пульсировало сердце машины. Это был не чистый аэрит, который использовали небожители для пассивного парения. Элиара и ее ученики — Магнус, огромный, похожий на медведя огневик, и Ксандер, тощий, дерганый аэромант — потратили полгода, чтобы создать этот артефакт. Они взяли десяток мелких, бракованных кристаллов аэрита, которые не могли поднять в воздух даже крысу, и с помощью сложнейших рунических цепей заставили их работать в унисон.

— Готовы? — Элиара проверила последний зажим. — Отсчет. Три... Два... Один...

Магнус взревел, его руки окутались красным пламенем. Он не швырял огонь — он вливал его в медные трубки, заставляя их раскаляться докрасна.

Ксандер выбросил ладони вперед. Его глаза закатились, белки сверкнули голубым. Он не создавал ветер — он уплотнял воздух вокруг корабля, создавая зону отрицательного давления.

Элиара ударила по главному рубильнику.

«Искра» не загудела. Она взвыла. Звук был низким, утробным, вибрирующим — звук рвущейся реальности. Из трубок повалил густой фиолетовый пар. Медные обмотки на корпусе засветились, покрывая корабль сеткой электрических разрядов.

А затем стапель под «Искрой» опустел.

Корабль не взлетел плавно. Он дернулся вверх, врезался в низкий каменный потолок мастерской, сминая толстую стальную балку, и тяжело, но неуклюже завис в полуметре от пола. Он дрожал, как загнанный зверь, выплевывая сгустки нестабильного эфира.

Магнус упал на колени, тяжело дыша. Ксандер осел на пол без сознания, из его носа текла тонкая струйка крови.

Элиара не смотрела на них. Она смотрела на стрелку манометра. Давление в ядре падало, но корабль держался в воздухе. Он не парил на милости богов. Он *летел* на грубой, рукотворной силе.

— Мы сделали это, — прошептала она, и по ее грязной щеке скатилась слеза, теряясь в копоти. — Мы украли у них небо.

Император Неверленда, Максимус Третий, не плакал от умиления при виде прогресса. Он смотрел на парящую в тронном зале «Искру» — теперь уже покрытую вмятинами и следами копоти после десятка испытательных полетов — с хищным прищуром.

Тронный зал Урбис-Магны был полной противоположностью Небесному Трону. Никакого хрусталя. Полированный обсидиан, чугунные колонны, стягивающие потолок, и огромный камин, в котором сжигали отборный антрацит. Воздух здесь был тяжелым, пахнущим властью, гарью и старым вином.

— Она шумит, как тысяча демонов в жестяном ведре, — Максимус обошел корабль, постукивая скипетром по стальному борту. Звук получился глухим и приятным его уху. — И выглядит как гробница гнома. Но она летит. Без молитв. Без благословения Небесного Трона.

— Мой император, — Элиара стояла перед ним, стараясь не опускать глаз, хотя колени предательски дрожали. Максимус был жестоким, умным и абсолютно лишенным жалости человеком. — Стабильность ядра пока оставляет желать лучшего. Корабль может находиться в воздухе не более часа, после чего кристаллы требуют суточной перезарядки. Мы не можем поднять армию.

— Мне не нужна армия, профессор Вэнс, — Максимус остановился и посмотрел на нее сверху вниз. Он был невысок, но его взгляд обладал физической тяжестью. — Мне нужен один корабль. Идеальный корабль.

Он подошел к столу, на котором лежали карты. Карты поверхности, которые рисовали слепые картографы, спускаемые в корзинах на веревках. Карты, полные белых пятен и чудовищ.

— Посмотрите сюда, Элиара, — Император ткнул пальцем в мерцающую точку на востоке. — Пепельные пустоши. За ними — Океан Мертвой Воды. А за ним, если верить древним мифам, которые ваши коллеги-цензоры так любят жечь, находится край мира, где облака становятся тоньше.

— Вы говорите о Сириусе, — голос Элиары дрогнул. Это было государственной ересью. Небожители считались непостижимыми, далекими богами, которые иногда сбрасывали вниз лишнее зерно или аэрит в обмен на рабов и руду. — Мой император, их острова держатся на чистой магии. Наши пушки не пробьют их щиты. Их маги испепелят «Искру» взглядом.

— Их маги, — Максимус усмехнулся, наливая себе вина. — Профессор, вы мыслите категориями прошлого. Вы думаете, что война — это когда один маг бросает в другого огненный шар. Вы только что доказали, что магия — это топливо. А где топливо, там и пушки.

Он залпом осушил бокал.

— Вы слышали о «Громе»? Это проект Артиллерийского Корпуса. Ствол длиной в тридцать метров, калибр — два ярда. Мы строили его пять лет, чтобы пробивать стены горных крепостей орков. Он весит пятьсот тонн. Мы не могли доставить его на восточный фронт, потому что у нас нет столько тягловых ящеров.

Максимум повернулся к Элиаре. В его глазах плясали отблески каминного огня.

— Сможете ли вы, профессор, адаптировать ваше эфирное ядро под вес в пятьсот тонн? И поднять его в воздух?

Элиара побледнела. Масштаб задачи был чудовищным. Одно дело — поднять изящный прототип. Другое — поднять гору.

— Это потребует... колоссального расхода кристаллов, — выдавила она. — Нам придется выкачать весь азрит из шахт Южного хребта.

— Выкачивайте, — отрезал Император. — Я объявляю «Проект Гром» приоритетом Короны. Вы получите любые ресурсы. Любых людей. Если нужно будет спустить в шахты половину Бездны — спускайте.

— Но зачем, мой император? — рискнула спросить Элиара. — Зачем провоцировать их? Сириус веками не вмешивался в наши дела. Они даже не знают, что мы существуем как цивилизация. Для них мы — просто часть пейзажа внизу.

— В том-то и дело, профессор, — Максимум подошел к окну, за которым расстился ярусам Урбис-Магна, похожий на вскрытую гнойную рану. — Они смотрят на нас *сверху вниз*. Они видят наши трубы и думают, что мы — черви в навозе. Они сбрасывают нам свои отходы. Свои бракованные кристаллы, которые вы так гениально научились использовать. Они держат монополию на небо.

Император резко обернулся. Его лицо исказилось от застарелой, ядовитой зависти.

— Вы представляете, что там, наверху? Настоящее солнце. Ветер, который не пахнет смертью. Пространство. Бесконечное, чистое пространство, где не нужно рубить камень, чтобы построить новый дом. Они владеют всем этим, просто потому что родились с даром, который им не пришлось красть у природы. Они — паразиты, живущие на потолке нашего мира. И я устал задира́ть голову.

Он ударил скипетром по столу.

— Мы построим флот. Мы поднимем в небо «Громы». Мы пробьем их хрустальные своды. И когда их острова начнут падать вниз, горящие и кричащие, они узнают имя Неверленда. Я, Максимум Третий, буду не Императором подземной клоаки. Я буду Императором Единого Мира.

Элиара стояла, парализованная ужасом и восторгом. Она хотела летать. Она хотела доказать, что человеческий гений сильнее божественной прихоти. Но она не хотела войны на уничтожение. Она посмотрела на чертежи «Искры», на расчеты давления, на формулы резонанса.

— Это будет стоить миллионы жизней, мой император, — тихо сказала она.

— Жизнь раба в Бездне стоит меньше, чем фунта угля, профессор, — холодно ответил Максимум. — А жизнь небожителя, который упадет с высоты десяти тысяч футов, станет отличным украшением моего нового неба. Приступайте. У вас месяц на расчеты ядра для «Грома». И попробуйте меня разочаровать.

Месяц превратился в три.

Урбис-Магна гудела, как растревоженный улей, переходящий в стадию роения. Проект «Гром» поглотил империю целиком.

Южный хребет, где располагались основные месторождения азрита, был выжат досуха. В Бездну спустили тысячи каторжников. Работа в шахтах азрита была медленной смертью. Пыль кристаллов, попадая в легкие, вызывала «хрустальную лихорадку» — человек начинал кашлять кровью, а его вены проступали под кожей светящимися синими узорами, после чего

тело каменело заживо. Но Максимус требовал результатов. Когда начальник шахт доложил, что выработка падает из-за смертности рабочих, Император лично спустился в Бездну и приказал залить самые бедные штреки алхимическим огнем, чтобы выжечь породу. Погибло три тысячи человек, но на поверхность подняли два десятка крупных, чистых друзей, способных удерживать колоссальный вес.

Элиара не спала. Ее мастерская расширилась до размеров целого завода. Теперь она руководила не тремя энтузиастами, а тысячей инженеров, магов-связистов и механиков.

Сердце «Грома» — Ядро Концентрации — было размером с небольшой дом. Это был уродливый, сваренный из корабельной стали куб, внутри которого в магнитных ловушках висели очищенные кристаллы аэрита. Элиара создала систему каскадного усиления. Кристаллы не просто давали подъемную силу — они питали друг друга, создавая цепную реакцию.

Проблема была в контроле.

— Если мы дадим слишком сильный импульс на корму, нос перевесит, и пятьсот тонн стали рухнут на город! — кричал Магнус, осипшим голосом перекрывая грохот молотов. — Система обратной связи реагирует с задержкой в две секунды! Мы не успеваем гасить колебания!

— Тогда мы уберем обратную связь! — Элиара, чье лицо осунулось до состояния черепа, лихорадочно чертила руны на медных пластинах. — Пусть пилот управляет ядром напрямую! Ксандер, твое состояние?

Ксандер, которого теперь называли «Навигатором», сидел в кресле, намертво вмонтированном в центр Ядра. Его тело было опутано кабелями, иглы вонзались в его ладони и виски, соединяя нервную систему с кристаллами.

— Я... держу... — прохрипел он. Его кожа стала серой, а губы посинели. — Но оно... жрет меня. Когда мы даем тягу... я чувствую, как мои кости... становятся полыми.

Элиара знала, что это не метафора. Прямая связь с такой концентрацией магии разрушала физическое тело. Ксандер был живым предохранителем. Если ядро пойдет вразнос, оно просто испарит его нервную систему, прежде чем взорваться и уничтожить половину Урбис-Магны.

— Еще один тест! — скомандовала она. — Подъем на пять ярдов. Плавно!

«Гром» вздрогнул. Стены завода затряслись. С потолка посыпалась штукатурка. Огромный стальной колосс медленно, с грацией смертельно раненного зверя, оторвался от ступеней.

Он поднялся ровно на пять ярдов. Замер.

Толпа инженеров, забившаяся в дальний угол, разразилась истерическими, нервными аплодисментами.

— Стабилизация! — рявкнул Магнус. — Элиара, мы его держим!

— Ксандер? — Элиара бросилась к пульту, глядя на пульсирующее сердце Навигатора.

Ксандер не ответил. Его голова безвольно упала на грудь. Кабели, подключенные к его вискам, раскались докрасна. Но корабль продолжал висеть в воздухе.

— Он в отрубе, — констатировал Магнус. — Но ядро стабильное. Оно... оно учится. Оно запоминает импульс.

Элиара смотрела на висющую в воздухе гору металла. Они создали чудовище. Франкенштейна небес. Корабль, который летел на боли человека и крови рабов.

— Вытаскивайте его, — приказала она. — Осторожно. И готовьте ангар. Завтра мы везем его на Полигон.

Императорский Полигон находился в Мертвом Каньоне — гигантской трещине в земной коре, образовавшейся во времена Раскола. Стены каньона были гладкими, оплавленными до стекловидного состояния. Сюда не падал даже пепел из труб Урбис-Магны.

«Гром» транспортировали по частям на гигантских платформах, которые тянули по столбовым ящерам. Сборка на краю каньона заняла неделю.

Когда корабль был готов, на смотровую площадку прибыл сам Максимус Третий. Его сопровождала личная гвардия в тяжелой броне и весь цвет военной аристократии.

— Профессор Вэнс, — Император подошел к Элиаре. Он выглядел помолодевшим, его глаза сияли азартом. — Покажите мне чудо.

— Это не чудо, мой император. Это физика, — ответила Элиара, хотя ее голос дрогнул.

Ксандера, который после вчерашнего теста напоминал живого мертвеца, снова погрузили в кресло-навигатор. Ввели ему дозу сильнейшего стимулятора. Он открыл глаза — абсолютно пустые, затянутые мутной пленкой.

— Контакт, — прошелестел он.

«Гром» взревел.

На этот раз звук был иным. Не визгом рвущегося металла, а низким, утробным рыком пробуждающегося вулкана. Воздух вокруг корабля задрожал, искажая перспективу. Пыль со дна каньона поднялась в воздух и закружилась в идеальном, рукотворном торнадо.

Пятьсот тонн стали, брони и артиллерийского ствола плавно, неотвратно оторвались от земли.

В толпе аристократов кто-то перекрестился. Кто-то упал на колени.

«Гром» поднялся на сто футов. На двести. Он завис над каньоном, отбрасывая на оплавленные скалы чудовищную тень.

— Полная тяга! — крикнула Элиара в переговорную трубу. — Маневр уклонения!

Магнус, стоявший у дублирующего пульта управления маневровыми дюзами, влил поток огня в правый борт.

Корабль, который по всем законам физики должен был двигаться со скоростью беременной черепахи, рванулся в сторону. Он сместился на пятьдесят футов вбок за долю секунды. Ударная волна от маневра сбила с ног гвардейцев на смотровой площадке.

— Орудийный тест! — скомандовал Максимус, не отрывая горящего взгляда от неба. — Цель — скала «Клык» на той стороне каньона. Заряд — боевой. Стабилизированный эфир.

Элиара побледнела. Они никогда не тестировали пушку на полную мощность. Отдача от выстрела эфирным снарядом такой плотности могла просто разорвать корабль пополам.

— Но, мой император...

— Выполнять! — рявкнул Максимус так, что задрожали стекла в биноклях.

Внутри «Грома» с лязгом провернулись гигантские шестерни. Орудийный ствол, казавшийся неподвижной горой, начал медленно опускаться.

На конце ствола вспыхнул свет. Это не был огонь. Это была абсолютная, концентрированная пустота, упакованная в сферу размером с карету. Живой эфир, сжатый до состояния критической массы.

— Огонь.

Слово прозвучало, как удар хлыста.

Из ствола «Грома» вырвалась не вспышка. Вышла *тишина*. Снаряд летел быстрее звука. Он был виден лишь как искажение воздуха, черная игла, пронзающая пространство.

Скала «Клык» — монолит высотой в триста футов — просто перестала существовать.

Сначала исчезла ее вершина. Затем половина массы. А потом оставшаяся часть просто осыпалась в каньон мелким гравием под собственным весом. Ударная волна была такой силы, что смотровая площадка на другом конце каньона накренилась.

Наступила звенящая, оглушенная тишина. Только «Гром» висел в воздухе, медленно остывая, и из его дюз сочился фиолетовый дым.

Максимус Третий улыбнулся. Это была улыбка ребенка, получившего самую желанную игрушку в мире. Он повернулся к Элиаре. Его лицо было залито отсветами догорающей скалы.

— Сколько, — спросил он тихо, почти нежно, — сколько таких кораблей мы можем построить за год?

Элиара посмотрела на Императора, затем на свой завод, который она только что осознала как фабрику смерти, затем на висящий в небе «Гром». Она думала о Небесном Троне. О хрустальных шпилях, которые казались такими хрупкими отсюда, снизу.

— При текущем уровне добычи азрита... — она сглотнула, — три корпуса. Если запустить четвертую очередь шахт и перевести рабочих на восемнадцатичасовую смену.

— Запускайте, — кивнул Максимус. — И начните проектирование легких фрегатов. Мне нужен эскорт.

Он спустился со смотровой площадки, оставив Элиару одну. К ней подошел Магнус. Его обычно красное лицо было серым.

— Мы только что подписали себе приговор, — сказал он, глядя на воронку в каньоне. — Они не простят «Клык». Они почувствовали это. Наверху.

— Они не узнают, кто это сделал, — глухо ответила Элиара, кутаясь в плащ, хотя от «Грома» шел невыносимый жар. — Для них это будет просто... землетрясение. Природный катаклизм.

Но в глубине души она знала, что Магнус прав. Баланс был нарушен. Искра, которую они зажгли в своей тесной мастерской, разгоралась в лесной пожар. И ветер этого пожара дул прямо в сторону Небесного Трона.

Алекс Эйден проснулся от того, что его левая рука онемела.

Он сел на ложе из шелка и меха редкого облачного тигра. В спальне было тихо, лишь едва слышно гудел сам дворец, перерабатывающий магию. Онемение в руке было не физическим. Это была фантомная боль.

Он подошел к панорамному окну. Внизу, под ногами, спала Столица Семи Шпилей. Миллионы огней, тихая музыка, смех в садах. Идеальный, стерильный рай.

Алекс положил ладонь на холодное стекло.

Он был спокоен. Он всегда был спокоен. Он был Императором. Его воля была законом природы.

Но сегодня закон природы дал трещину.

Где-то очень далеко, за облаками, на востоке, произошло возмущение. Оно не было похоже на пробуждение Древних в Хаосе. Те были древними, медленными, их голод был тектоническим.

Это было... острое. Искусственное.

Резкий, металлический привкус в эфире. Запах жженой стали и человеческой алчности. Кто-то внизу, в грязи Неверленда, только что ударил по ткани реальности тяжелым молотом.

Алекс закрыл глаза и расширил сознание. Он потянулся на восток, сквозь облачные фронты, сквозь бури, сквозь магические штормы, которые сам же и создал для защиты границ.

Он коснулся разума Ксандера. Вернее, того, что от него осталось. Связь с «Громом» оставила в эфире Неверленда незаживающий шрам. Алекс увидел его глазами: стальные стены, боль, разрывающую череп, и абсолютную, пьянящую мощь. А затем он увидел цель.

Увидел, как исчезает материя.

Император отдернул сознание, как отдергивают руку от раскаленного железа.

Он стоял в тишине своих покоев. Его серебряные глаза потемнели, став почти черными.

— Верный, — произнес он в воздух.

Тень в углу комнаты шевельнулась. Глава Тайной Канцелярии вышел на свет. Он выглядел обеспокоенным.

— Мой Император. Вы не ложились?

— У нас проблема, — Алекс отвернулся от окна. — Большая, чем Хаос. Наши подземные соседи... выросли зубы.

— Вы почувствовали выброс? — догадался Верный. — В восточных пустошах. Мои наблюдатели внизу сообщают о странных сейсмических толчках. Но сейсмика не испаряет скалы, оставляя идеально гладкие срезы.

— Они построили пушку, — голос Алекса стал ледяным. — И подняли ее в воздух. Они научились концентрировать магию не в форме, а в разрушении.

— Это невозможно, — прошептал Верный. — Без Трона... без глобальной сети... такая концентрация должна разорвать любого смертного.

— Они используют кровь, — ответил Алекс. — Они вживляют магов в машину. Они платят болю за каждый фут подъема. Это варварство. Это... эффективно.

Алекс прошелся по залу. Его шаги, обычно бесшумные, сегодня гулко отдавались от мрамора.

— Максимус Третий, — произнес он имя, словно пробуя его на вкус. — Я помню его деда. Такой же амбициозный грызун, пытавшийся прокопать ход к нашим кладовым. Дед отравился грибами. Внуку я оставляю более... наглядный урок.

— Что прикажете, мой Император? — склонился Верный. — Ударить превентивно? Стереть Урбис-Магну? Одной искры с Трона хватит, чтобы их вулканы проснулись одновременно.

— Нет, — Алекс резко остановился. — Если мы ударим первыми, мы станем чудовищами в их глазах. Мы станем теми самыми богами, которыми они нас считают — жестокими и карающими без причины. Мы подтвердим их правоту.

Он посмотрел на свои руки. На ладони проступали едва заметные линии — карта всех островов Сириуса, которую он носил в себе.

— Мы дадим им веревку, — сказал Император Эйден. — Пусть строят свой флот. Пусть тратят свои ресурсы. Пусть спускают в шахты свое население. Они думают, что небо — это просто пустое место. Они не знают, что небо — это океан. А я — шторм, который в нем живет.

— Позволить им вооружаться — это риск, — осторожно заметил Верный.

— Это математика, — отрезал Алекс. — У них один корабль. Громкий, неуклюжий, жрущий людей живо. У нас — семьсот островов, каждый из которых по своей сути является летающей крепостью. Пусть строят десять. Двадцать. Пусть верят, что их стальная гора делает их равными нам. Когда они придут к нашим границам со своим ржавым флотом, мы не будем их убивать. Мы просто... выключим свет.

Алекс подошел к хрустальному глобусу Сириуса, стоящему на столе. Он коснулся пальцем Столицы Семи Шпилей. Кристалл под пальцем потеплел.

— Передайте приказ по всем островам, — сказал он, не отрывая взгляда от глобуса. — Начать учения Флота Обороны. Режим «Тихое Небо». Все гражданские перевозки ограничить. Каждый остров должен быть способен к автономному маневрированию. И отправьте одного разведчика. На самом дешевом, самом незаметном планере. Пусть спустится в Бездну Урбис-Магны. Я хочу знать чертежи их «Грома». Я хочу знать, сколько боли им нужно, чтобы поднять одну тонну.

— Будет исполнено, — Верный поклонился и начал растворяться в тенях.

— И Верный, — окликнул его Алекс.

— Да, мой Император?

— Подготовьте мой личный доспех. Тот, что из звездного железа. И меч. Кажется, мне снова придется спуститься вниз. Но в этот раз я не буду ставить печати. В этот раз я буду читать лекцию по политологии.

Когда Верный исчез окончательно, Алекс остался один. Он снова посмотрел в окно, за которым начинался рассвет. Солнце окрашивало облака в нежно-розовый цвет.

Вековой покой Сириуса закончился.

Внизу, в темноте и копоти, Империя Неверленд раздувала мехи своей кузницы. Искра прогресса, которую они так жаждали получить, оказалась искрой в пороховом погребе.

И до взрыва оставалось не так много времени.

Глава 3. Массовое Производство

Два года — это мгновение для империи, где время измеряется правлением династий. Для Алекса Эйдена прошедшие двадцать четыре месяца слились в монотонную ленту дежурств, балансировки островов и сдерживания Хаоса. Он чувствовал себя плотиной, которая сдерживает океан, затыкая трещины пальцами.

Но внизу, в Неверленде, время текло иначе. Там оно измерялось ударами парового молота.

Урбис-Магна изменилась до неузнаваемости. Элиара Вэнс, чье лицо теперь навсегда было отмечено бледностью подземелий и темными кругами под глазами, больше не была профессором в мастерской. Она стала Верховным Архитектором Короны, и ее слово весило больше, чем указы многих министров.

Концепция «Грома» была признана тупиковой. Один корабль, требующий сожжения заживо одного Навигатора и трети запасов азрита империи, не мог выиграть войну. Элиара перевела производство на рельсы, которые сама же когда-то презирала как варварские — на конвейер.

Ржавые Равнины, простиравшиеся к северу от Урбис-Магны, перестали быть пустыней. Они превратились в исполинскую операционную рану на теле земли.

Здесь не строили — здесь ковали.

Огромные литейные цеха тянулись на десятки миль, их трубы извергали в серое небо столбы жирного, черного дыма, который никогда не рассеивался, создавая над Равнинами собственную, искусственную ночь. Днем и ночью здесь горели тысячи доменных печей.

Рабочие — тысячи людей в одинаковых серых робах, лица которых были скрыты за респираторами с фильтрами из мха — двигались с пугающей, механической синхронностью. Звук был главным дирижером этого ада. Ритм.

Клац. Бам. Шииш. Клац.

Пневматические молоты вбивали заклепки в стальные ребра будущих кораблей. Звук был таким плотным, что вибрировали зубы.

Элиара стояла на застекленной галерее над цехом «Альфа». На ней не было защитного костюма — она хотела чувствовать жар.

Перед ней, на магнитных стапелях, собиралась «Стая».

Это были не изящные фрегаты Сириуса. Это были гробы. Угловатые, покрытые заклепками, как панцирем, брусками из стали и чугуна. Они не предназначались для красоты или комфорта. Они предназначались для одной цели: нести смерть и выдерживать ответный удар.

— Докладывайте, — бросила она, не поворачивая головы к человеку, подошедшему сзади. Это был Гектор, Главный Инспектор Цепей. Его руки по локоть были покрыты ожогами от жидкого эфира.

— Секция «Бета» отстаёт на четыре часа, — доложил Гектор хрипло. — У них пошла микротрещина в главном удерживающем кольце. Варим заново. Секция «Гамма» готова к имплантации Ядра. Навигатор уже на месте.

— Как его показатели? — спросила Элиара, наконец посмотрев на него.

— Пульс сорок. Мозговая активность почти нулевая. Он уже там, — Гектор неопределенно махнул рукой в сторону стапеля. — Подключен. Если мы не запустим контур в течение часа, его мозг превратится в яичницу от обратного тока.

Элиара посмотрела вниз. В недрах стального корпуса «Гаммы» она видела его. Или, вернее, то, что от него осталось. Человек был вживлен в машину. Его позвоночник сросся с глав-

ным валом, нервная система была распутана и превращена в живой коммутатор для рунных цепей. Он не был пилотом. Он был процессором.

— Запускайте, — приказала Элиара. — Если он умрет до взлета, пустите газ в его кабину и берите следующего из очереди. У нас график.

Гектор побледнел, но кивнул. На Ржавых Равнинах человеческая жизнь стоила дешевле, чем фунт качественной меди. Очередь из добровольцев — или, точнее, отчаявшихся семей, продававших своих сыновей ради пайка — была бесконечной.

Внизу взвыла сирена. Низкий, давящий звук.

Стальные плиты под «Гаммой» разошлись. Из открывшихся шахт ударили струи сжатого пара.

Затем раздался звук, который Элиара теперь ненавидела больше всего на свете. Звук, похожий на крик кита, которого медленно заживо сдирают. Это эфир, проходя через нервную систему Навигатора, встречал сопротивление живого тела.

Стальной гроб весом в сто тонн вздрогнул. Заклепки на его брюхе засветились вишневым. Он оторвался от ступеней. Не плавно, а рывком, словно его вырвали из лап гравитации.

Корабль завис в десяти футах от пола. Из его дюз сочился уже не фиолетовый, а почти черный дым — признак перегрузки и распада живой ткани пилота.

— Стабилен, — выдохнул Гектор, глядя на свои приборы. — Держит.

— В ангар «Дельта», — скомандовала Элиара. — На установку вооружения. И пришлите мне медиков к «Бете». Если сварщики не закончат к закату, они поменяются местами с теми, кто отстает.

Она отвернулась от окна. За ее спиной, в цеху «Альфа», уже готовили следующий стапель. Роботы-манипуляторы несли новые ребра жесткости.

За два года Урбис-Магна научилась строить такие корабли за сорок восемь часов.

От закладки киля до первого взлета.

В трех днях лета от Ржавых Равнин, на высоте, где воздух был кристально чистым, а солнце светило нестерпимо ярко, дрейфовал остров Фарос. Это был восточный форпост Сириуса, тихий аграрный остров, известный своими винами и обсерваторией.

В обсерватории, пахнувшей старым деревом и пылью, молодой астрофизик Лиам смотрел в окуляр дальнозора. Это был сложный прибор, сочетающий в себе магические линзы и точную механику. Лиам следил за миграцией облачных китов, но его истинной, тайной страстью было то, что происходило внизу.

Сирианская разведка была искусством тонким. У них не было шпионов в грязи Неверленда — ни один небожитель не смог бы выжить в их атмосфере дольше суток без специальных, истощающих артефактов. Но у них были глаза на границе.

Лиам не смотрел на землю. Он смотрел на *отражения*.

Он настраивал линзы на нижний, самый плотный слой облаков — так называемый «Подбрюшник». В нормальном состоянии он должен был давать ровное, диффузное эхо.

Но последние месяцы эхо изменилось.

— Опять мерцание, — пробормотал Лиам, делая пометку в журнале гусиным пером. — Сектор Гамма-9. Коэффициент преломления вырос на семь процентов.

Он откинулся в кресле и потер воспаленные глаза.

Два года назад он заметил первый аномальный всплеск. Тогда это списали на метеоритную активность. Год назад всплески стали регулярными. Теперь они превратились в ритмичный, нарастающий гул.

Лиам подошел к большой карте Сириуса, висящей на стене. Он взял красный мелок и поставил жирную точку в секторе Гамма-9, на самой границе облачного моря.

Тридцать точек за месяц.

Он соединил их линией. Линия указывала точно на восток. В сторону Мертвого Каньона. Звук тяжелых шагов заставил его обернуться. В дверях обсерватории стоял человек, которому здесь было абсолютно не место.

Герцог Валентин ди Фальконе.

В отличие от большинства изнеженной аристократии Сириуса, Валентин выглядел так, словно сошел с гобелена о древних войнах. Ему было около пятидесяти, но его тело оставалось жестким и подтянутым. Серебро в его волосах было не признаком старости, а следом старой магической травмы. Он был одним из немногих в Совете, кто умел держать в руках меч, а не только кубок с вином.

— Опять не спишь, мальчишка? — голос Валентина был низким, с легкой хрипотцой. — Император ищет твой отчет. Совет ждет развлечений.

— Развлечений? — Лиам горько усмехнулся и ткнул пальцем в карту. — Посмотрите, Ваша Светлость. Это не метеориты. Это... производство. Ритмичное. Как удары молота.

Валентин подошел к карте. Он не был ученым, но он был солдатом. Он посмотрел на красные точки, на их плотность, на вектор.

— Сколько? — спросил он коротко.

— Если считать по тепловой сигнатуре и массе вытесняемого воздуха... — Лиам сверился с расчетами. — Около трехсот крупных сигнатур. И это только те, что смогли пробить Подбрюшник. Мелочь, фрегаты весом до пятидесяти тонн, вообще не отражаются. Их могут быть тысячи.

Валентин долго молчал. Он смотрел на восток, туда, где облака сгущались в непроницаемую стену.

— Три года назад это был один корабль, — сказал герцог. — Один громкий, уродливый прототип. Два года назад — пять. Теперь триста.

— Они строят флот, — прошептал Лиам. — Настоящий флот. И они учатся. Смотрите, — он подвел герцога к другому прибору — сейсмографу эфира. — Вот всплеск от «Грома». А вот... это. Новые корабли легче. Они быстрее. И они не используют одного Навигатора на судно. Судя по чистоте сигнала, они перешли на... групповое ядро. Один сильный маг-смертник питает целую эскадрилью. Их потери среди одаренных должны быть чудовищными, но им плевать. Они просто берут новых.

— Варвары, — процедил Валентин, но в его голосе не было привычного аристократического презрения. Было что-то другое. Тревога. — Они воюют мясом.

— Они воюют количеством, — поправил Лиам. — У нас семьсот островов. У них... я не знаю, сколько земли они уже выжгли под свои верфи внизу. Но если они поднимут в воздух хотя бы половину из того, что строят...

— Совет назовет это паникой, — Валентин отвернулся от карты. — Они скажут, что это просто пыльные бури. Или новый вид подземных газов.

— А что скажет Император? — спросил Лиам.

Валентин посмотрел на молодого ученого. В глазах герцога на мгновение промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Император знает, — тихо сказал Валентин. — Он видит больше, чем все мы вместе взятые. Но он не может действовать, пока Совет держит его за руки. А Совет... — герцог горько усмехнулся. — Совет пьет чай на террасе Небесного Трона и рассуждает о деградации нравов в Неверленде. Они считают, что те, кто живет в копоты, неспособны создать угрозу для хрустала.

Зал Малого Совета в Небесном Троне был воплощением стерильной, самодовольной роскоши. Пол из розового мрамора, который менял рисунок в зависимости от настроения сидящих. Потолок — окно в стратосферу, где звезды казались близкими и холодными.

Сегодня здесь обсуждали налоги на экспорт облачного шелка.

— ...и я настаиваю, что пошлина в семь процентов убьет мануфактуры Фароса! — кипятился Лорд-казначей, лысеющий мужчина с пухлыми, влажными руками. — Мы должны снизить ее до пяти, чтобы стимулировать...

Двери зала распахнулись без стука.

Вошел Алекс.

Разговоры мгновенно стихли. Лорд-казначей осекся на полуслове и побледнел, пытаясь спрятать свои влажные руки за спину.

Император не выглядел разгневанным. Он выглядел смертельно уставшим. Его черные одежды были покрыты тонким слоем пыли — он только что вернулся с восточных границ, где лично корректировал течение муссонов.

— Выйдите все, — сказал Алекс, занимая свое место во главе стола.

Советники, переглядываясь в панике, начали собирать свитки. Они боялись, что кто-то донес на них за казнокрадство. Они не понимали, что их мелкие интриги сейчас интересовали Императора меньше всего.

Когда тяжелые двери закрылись, оставляя в зале только Алекса, Валентина и Лорда Верного, Император положил на стол один-единственный лист пергамента. Это был отчет Лиамы, переведенный на язык сухих цифр.

— Триста сорок два, — произнес Алекс, глядя на Верного. — Это данные за прошлую неделю. Триста сорок два крупных тепловых сигнатуры, пересекших границу Подбрюшника в направлении наших восточных провинций.

Верный, облаченный в свою неизменную серую мантию, взял лист. Его бесцветные глаза быстро бегали по строчкам.

— Тепловые сигнатуры могут принадлежать вулканам, мой Император, — ровным голосом ответил он. — Или крупным стаям огненных саламандр. Мои агенты в Неверленде... те немногие, что рискуют спускаться в их пограничные зоны, сообщают о небывалой сейсмической активности. Они открывают новые шахты.

— Они не открывают шахты, Верный, — Алекс медленно провел пальцем по краю стола. Кристалл столешницы тихо загудел, протестуя. — Они строят сухие доки. Тепловая сигнатура вулкана хаотична. Их сигнатура имеет ритм. Ритм конвейера. Они штампуют корпуса.

— Мой Император, — подал голос Валентин, позволив себе слегка наклониться вперед. — Я видел расчеты. Если это правда, через год их будет тысяча. Через два — пять тысяч. Мы не сможем контролировать периметр. Наш флот патрульных фрегатов насчитывает всего сто двадцать судов. Они созданы для ловли контрабандистов, а не для войны.

— Это не будет войной, — Алекс наконец поднял глаза на советников. Его серебряный взгляд был тяжелее свинца. — Это будет избиением.

— Мы должны ударить первыми! — воскликнул Валентин, забыв о протоколе. — Разнести их литейные цеха! Одной искры с Трона хватит, чтобы их Ржавые Равнины превратились в стекло!

— И мы станем агрессорами, — холодно оборвал его Алекс. — Мы уничтожим их промышленность, но оставим их ненависть. Мы дадим Максиму то, чего он хочет больше всего — мученический венец. Его народ, живущий в темноте, с радостью пойдет умирать за него, если мы пришлем с небес огонь. Нет.

— Тогда что вы предлагаете? Игнорировать? — фыркнул Валентин. — Ваша Светлость, пока мы сидим здесь, они учатся летать лучше. Их новые фрегаты маневреннее наших. Они тяжелее, да, но их больше. Они задавят нас массой. Их магидохнут в этих железных гробах, но на их место встают новые. У них бесконечное мясо, а у нас ограниченный запас аэрита и конечное число душ.

— У нас есть Трон, — тихо сказал Верный. — Мы — центр магии этого мира. Мы можем просто... отключить их.

Алекс посмотрел на своего главу разведки.

— Объясни, — приказал Император.

— Сириус — это сеть, — Верный сплел тонкие пальцы. — Аэрит в их кораблях внизу — он поет в унисон с нами. Он резонирует с кристаллами Трона. Если мы изменим частоту... Если мы создадим в эфире диссонанс, направленный на восток... Весь их флот просто упадет. Их ядра потеряют опору. Гравитация сделает свое дело.

В зале повисла тишина.

— Геноцид, — произнес Валентин. — Вы предлагаете сбросить тысячи кораблей на их же города. Сотни тысяч людей сгорят заживо при падении. Миллионы будут раздавлены обломками.

— Это эффективно, — пожал плечами Верный. — Проблема исчезнет за один день. Без риска для нашей армии.

Алекс встал. Он подошел к панорамному окну, за которым раскинулся Главный Шпиль.

— Вы не понимаете, — сказал он, не оборачиваясь. — Максимус Третий — идиот, но он полезный идиот. Он делает ровно то, что я от него хочу.

Валентин и Верный замерли.

— Мой Император? — осторожно спросил Верный.

— Посмотрите на них, — Алекс кивнул в сторону окна, подразумевая весь мир внизу. — Они жили в грязи тысячи лет. Они грызли друг друга за кусок угля. Они были разобщены. Племена, бароны, мелкие царьки. Максимус объединил их. Страхом. Амбицией. Завистью к нам.

Алекс повернулся. Его лицо было жестким.

— Он строит флот. Он тратит свои ресурсы. Он сжигает своих лучших магов в топках своих железных чудовищ. Он выкачивает аэрит из земли так быстро, что их острова внизу — их собственные, грязные, подземные острова — начали проседать. Я чувствую это. Их тектоника сходит с ума.

— Вы используете его как фитиль? — догадался Валентин. Его глаза расширились. — Вы позволяете ему вооружаться, чтобы он...

— Чтобы он совершил самоубийство, — закончил Алекс. — Максимус верит, что идет на войну со мной. На самом деле он ведет свой народ в пропасть. Он строит флот, который мы выключим одним щелчком пальцев. И когда их корабли начнут падать, когда их верфи взорвутся от истощения жил, когда их экономика рухнет под весом этой гонки вооружений... Неверленд перестанет существовать. Не от нашего оружия. От собственного безумия.

— Это жестоко, мой Император, — тихо сказал Валентин.

— Это политика, — отрезал Алекс. — Я даю ему веревку. Он сам затянет ее на своей шее. И на шее своего народа.

— А если он не пойдет в атаку? — спросил Верный. — Если он решит копить силы еще десять лет?

— Он не сможет, — Алекс позволил себе тонкую, лишенную веселья улыбку. — Я только что повысил плотность аэрозолей в их нижних слоях атмосферы. Видимость упала на сорок процентов. Их солнечная алхимия, которой они питают свои теплицы, дает сбой. Начнутся перебои с продовольствием. Чтобы отвлечь народ от голода, ему нужна маленькая победоносная война.

Император вернулся к столу.

— Валентин, — сказал он. — Отзовите дальние патрули с восточных границ. Сконцентрируйте флот вокруг Столицы. Пусть они думают, что мы в панике прячемся.

— Слушаюсь, — герцог склонил голову.

— Верный, — Алекс перевел взгляд на серую фигуру. — Усложните им жизнь внизу. Ничего глобального. Мелкие диверсии. Обвалы в их новых шахтах. Утечки газа на литейных

заводах. Пусть их конвейер чихает и кашляет. Пусть Максимус думает, что это саботаж его генералов, борющихся за власть. Пусть он нервничает и ускоряет производство, загоняя себя в угол еще быстрее.

— Будет исполнено, — кивнул Верный.

— А теперь вон, — устало произнес Алекс. — У меня болит голова от вашего оптимизма. И пришлите ко мне Лиаму. С оригиналами его графиков. Я хочу сам посмотреть на ритм их молотов.

Когда советники вышли, Император остался один. Он подошел к глобусу Сириуса.

Он посмотрел на восток. Там, под облаками, в темноте, горели тысячи огней. Ржавые Равнины пылали, как врата ада.

Алекс положил руку на хрусталь.

— Танцуй, — прошептал он. — Строй свои корабли, Максимус. Набивай их мясом. Чем тяжелее ты станешь, тем громче будет хруст, когда ты упадешь.

В это же время, глубоко под землей, в личной купальне Императора Неверленда, Максимус Третий приходил в ярость.

Вода в мраморном бассейне была красной. Не от лепестков роз, а от крови.

— Еще раз! — ревел Император на съездившегося министра шахт. — Вы докладываете, что жила «Северная Корона» иссякла? Иссякла?! Там было аэрита на двадцать «Громов»!

— Мой император, это... это истощение, — министр трясся так, что его многочисленные подбородки колыхались. — Мы прошли на две мили вглубь. Порода стала нестабильной. Взрывы вызывают обрушения...

— Обрушения?! — Максимус ударил кулаком по краю бассейна. Мрамор треснул. — Вы называете это обрушением?! Это саботаж!

В купальню вбежал запыхавшийся Гектор. Его лицо было черным от копоти.

— Мой император! — выдохнул он. — Цех «Дельта»! Взрыв Ядра! Сороковой конвейер!

— Что с Навигатором? — холодно спросил Максимус.

— Испарился, — Гектор сглотнул. — Вместе со стапелем. Стена цеха рухнула на соседний конвейер. Производство встало на шесть часов.

Максимус медленно опустил обратно в кровавую воду. Его глаза горели безумным огнем.

— Триста сорок два корабля, — прошипел он. — Три года работы. А мы теряем по два в неделю из-за брака. Мы теряем магов быстрее, чем успеваем их кастрировать и подключать к цепям. И теперь у нас кончается кровь мира.

Он посмотрел на Гектора.

— Сколько у нас осталось чистого аэрита?

— На сорок восемь крупных судов, — ответил инспектор. — И на сотню фрегатов, если использовать смесь с железной крошкой, которая дает нестабильность в верхних слоях.

— Этого мало, — Максимус ударил ладонью по воде. Брызги красной воды разлетелись по золоту купален. — Валентин собирает свой флот в кулак. Небесный ублюдок что-то задумал. Он перестал патрулировать границы. Он стянул всех к Столице. Он боится.

— Или он готовит ловушку, — осмелился сказать Гектор.

— Ловушку? — Максимус рассмеялся, и смех его был похож на скрежет металла. — Какую ловушку может приготовить тот, кто не знает запаха пороха? Они там наверху разучились воевать, Гектор. Они забыли, что такое кровь. Их острова — это декоративные клетки для птиц. Мой «Гром» пробьет их хрустальные своды, как молот — яичную скорлупу.

Он встал. Вода стекала с его массивного тела.

— Ускорить добычу, — приказал он. — Использовать рабов. Если руда не дается — взрывать. Если взрывать нельзя — пусть голыми руками грызут. Мне нужно еще пятьсот кораблей к весне.

— Но мой император, люди...

— Мне не нужны люди, — рявкнул Максимус. — Мне нужны корабли. Корабли — это копыя. Люди — это древки. Когда копьё брошено, древко выбрасывают.

Он вышел из купальни, оставляя за собой следы кровавых ног на белом мраморе.

В коридоре его ждал личный телохранитель, завернутый в бинты. Это был один из немногих выживших после имплантации в «Гром» — его тело было слишком изуродовано, чтобы стать Навигатором, но его преданность, усиленная болью, была абсолютной.

— Собирайте Генеральный Штаб, — бросил Максимус. — Мы начинаем кампанию «Рассвет».

— Цель, мой император? — прохрипел телохранитель.

— Фарос, — улыбнулся Максимус. — Самый восточный, самый наглый их шпиль. Тот, что вечно светит своим маяком нам в лицо. Мы собьем их маяк. Мы покажем им, что их небо больше не безопасно.

На острове Фарос Лиам закончил настройку дальнотзора.

Он посмотрел в окуляр. Обычно нижний слой облаков был ровным. Но сегодня... сегодня он видел *искажения*.

Огромные, ритмичные волны давления. Словно снизу в Подбрюшник бил гигантский, медный пульс.

Бум. Бум. Бум.

Это не было похоже на работу молотов. Это было похоже на биение сердца. Огромного, злого сердца, спрятанного под землей.

Лиам оторвался от прибора и посмотрел на восточный горизонт. Там, за сияющей пеленой, что-то менялось. Облака там темнели, приобретая неестественный, багровый оттенок.

Он бросился к двери обсерватории, чтобы бежать к герцогу Валентину.

Но было уже поздно. Первый корабль Неверленда прорвался сквозь облачный слой.

Он не был похож на изящные иглы Сириуса. Это был черный, угловатый хищник, лишенный каких-либо украшений. Он вынырнул из облаков с ревом, от которого зазвенели стекла в куполе обсерватории.

За ним второй. Третий. Десятый. Они шли клином. И на их бортах, в открытых сейчас орудийных портах, медленно разгоралось фиолетовое свечение. Ритм молотов внизу сменился ритмом войны. И этот ритм звучал похоронным звоном для золотого века Сириуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.